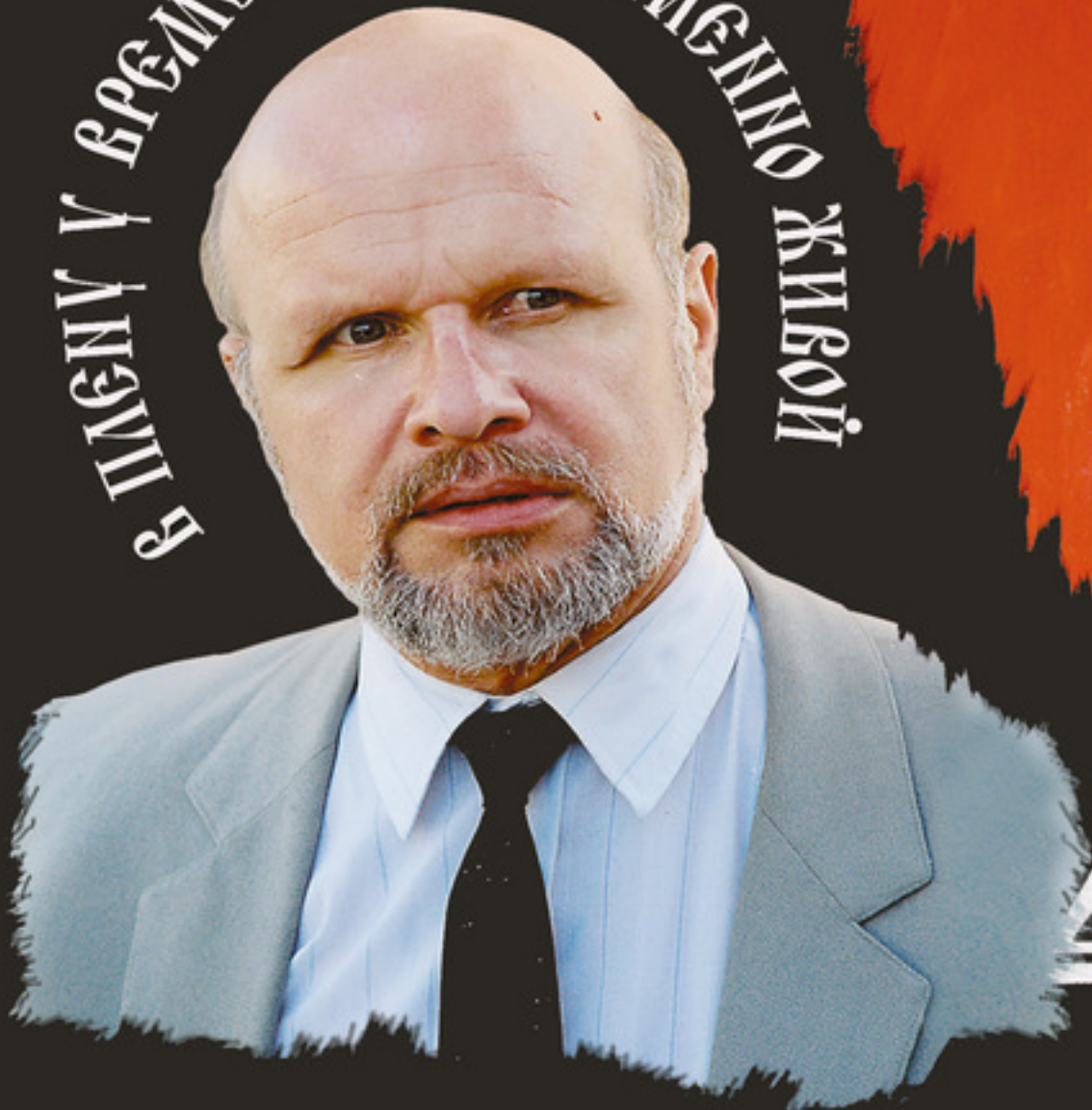

В ПЛЕНУ У ВРЕМЕНИ БЕЗВРЕМЕННО
ЖИВОЙ

Александр Холин

ЕРЕСИАРХ ВСЕЯ РУСИ

Александр Холин
Ересиарх всея Руси

«Автор»

2009

Холин А. В.

Ересиарх всея Руси / А. В. Холин — «Автор», 2009

Книга известного поэта, прозаика и драматурга Александра Холина удивит читателя своей необычностью. Впрочем, определенного содержания она не имеет. Единственно, что можно отметить и что красной чертой проходит по страницам - это мистические переживания автора за Родину, за родной город, за многих знакомых и не слишком знакомых, окружающих сегодня Ересиарха всея Руси. На первый взгляд название книги может показаться одиозным, но сравнивая его с краткой аннотацией, сразу становится понятен смысл и содержание: «Я сегодня и. о., но, представьте, Мессии! Потому что поэт, потому что орать должен я на пустых перекрестках России про разруху и боль, про забытую статью!».

© Холин А. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

«Помилуй, Боже, и спаси!...»	6
«Моя туманная и нежная...»	7
«Эти огненно-снежные волосы...»	8
«Что сказать мне о белом дне...»	10
«Если б знал, когда упасть...»	11
Помни Родину... Твою мать	13
«Оставляя свои раздумья...»	15
«Тень моя в тьме замороженных улиц...»	16
На погосте	17
«Спасена от пробужденья...»	19
«Закипел над Москвой фиолетовый день...»	20
Зазеркальное Беловодье	21
«Сумасшедшее сплетенье...»	22
«Перестук колёс, перестук...»	23
«Обрывки грязных словоблудий...»	25
«Надоело нежить ворошить...»	26
«Лекарственной болью октябрь полыхает...»	27
«Жизнь моя – всё топь да кочки...»	28
«Звёзды считая на пепельном небе...»	29
«Монархия света, монархия тьмы...»	31
Откровения Ересиарха	32
«Расставляются точки над „и“...»	33
Я ничей!	34
«Руки её – две старинные чары...»	36
«Уходя, я прощаюсь с тобой...»	37
«Время разбрасывать камни...»	39
«Листья рыжие кружат, кружат...»	40
Пророчество Ересиарха	41
«Я ребёнок военной России...»	42
«Покровский отблеск октября...»	43
«Мы не стали скромнее и проще...»	44
«Остервенение сознания...»	45
«Как хочется стать неприметной дождевой каплей...»	46
«Русь моя – нить неразрывная...»	48
«Пролетаю безумной кометой...»	49
«И опять непосильное счастье...»	50
«Я рисую в подветренный полдень...»	51
«Не моя немая женщина!...»	52
«Сон мне: сонная быль...»	54
Выпал снег	55
«Снова шагаю по льду босиком...»	56
Баллада о первом встречном	57
«В тени бессмертья запутался страх...»	58
«Белый свет расплескался в тумане...»	59
«Неужели жизнь проходит...»	60
«Не пропетый песнями...»	62

Баллада о русском языке	63
«Морозные дни достославного лета...»	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Холин Ересиарх вся Руси

«Помилуй, Боже, и спаси!..»

Помилуй, Боже, и спаси!
Перед Тобою обнаженный
на стыд и слезы осужденный
Ересиарх Вся Руси.
И полуденный неба плач
потряс светлейшее светило:
я резал напрочь, точно врач,
то, что вчера душою было.
Уплыло каплей по стеклу,
упало образом в примете,
кружилось вальсом на балу
анти-Господнее столетье.
А я смеялся и плясал,
и богохульствовал без меры.
И вот я тот, кем смел и стал —
священномученик Химеры.
Не дух, не зверь, не человек,
не изгоненный, но изгнанник.
И очарованный вовек,
рожденный Русью, Божий странник.
Унылый дождик моросит.
А я, как Бог, преображенный,
стихи читаю прокаженным
Ересиарх Вся Руси.

«Моя туманная и нежная...»

Моя туманная и нежная,
исполосована бичами,
не согрешившая, но грешная,
совсем с неженскими плечами
невьбираемая Родина —
печально-сказочная Русь —
я твой герой и твой юродивый,
твой Пересвет и Златоуст,
и нескончаемое пение
весёлых лип и сонных трав,
и новое стихотворение,
в котором твой полынный нрав
моё грядущее и прошлое,
как повилику закрутил.
Но за меня, моя хорошая,
прости, кого я не простил.
Ты вся в рябиновом пожарище,
и знаком вечного огня
в ночи, за облаком блуждающей,
благослови на жизнь меня.

«Эти огненно-снежные волосы...»

Эти огненно-снежные волосы
разжигают вселенский пожар,
и планету от полюса к полюсу
сотрясает подземный удар.
Знак огня:
пепел в небе качается
на луне, оставляя следы.
Не пойму, как же он сочетается
с разделительным знаком воды?
От беды, как известно, не спрячешься —
пусть артачится снег за окном,
пусть в огне саламандра маячится,
пусть в углу улыбается гном.
Эта огненно-снежная женщина
то ли счастье, а то ли беда...
Но от полюса к полюсу – трещина,
но от сердца до сердца – вода.

«Что сказать мне о белом дне...»

Любимой жене Ксени

Что сказать мне о белом дне,
белом городе и цветах,
где ты думаешь обо мне,
где все мысли наводят страх?
Ты не бойся так за меня!
Ведь бояться – не значит жить.
Не старайся клочок огня
в белом городе сторожить.
Если я для тебя горю,
значит, Богом так суждено,
и в каком-то другом раю
это счастье нам не дано.
Значит, будем любить всерьёз
белый город и нашу жизнь.
И не надо горючих слёз
под наплывами дешевизн.
А когда я лечу во сне,
белый город разгонит мрак.
Ты ведь тоже приснилась мне,
и от сна не уйти никак.

«Если б знал, когда упасть...»

Если б знал, когда упасть
мне планирует рогатый,
обломал рога бы всласть
я ему – ведь это свято!
Дождь стекает по стеклу:
всюду драки, всюду слёзы,
и по мирному теплу
тихо плачут две мимозы.
Солнце прячет жаркий лик
в хмарь теней, в лоскут страданий,
лишь бы снова не возник
тонкий луч воспоминаний
о веселье, о былье!..
Но летая над страной,
вижу копоть в полынье
от советского застоя
и от будущих продаж
несломившейся России.
Я поэт! И мой кураж —
Быть предтечею Мессии.
Но занозой под ногтём
наша жизнь, как неудача.
А небесный окоём
как столовка для раздачи
манны, хлеба и вина,
и каких-нибудь секс-шоу.
Русь разбита, сметена
лишь одним поганым словом
расплодившимся теперь
как чума, как паутина.
Распахнули в небыль дверь,
остальное всё – рутина!
Гильотина ждёт меня
от нерусского престола,
или сполохи огня,
чтоб успел исполнить соло?
Много надо мне любви!
Много песен и страданий!
Стану храмом на крови
и творцом воспоминаний.

Помни Родину... Твою мать

1.

Похмелилась, оклемалась
многодетная страна —
многолетняя усталость,
где и горе задарма,
где и драки все вприглядку.
Доставай последний грош,
да вокруг тюрьмы вприсядку
попляши, едрёна вошь.
Напиши шальные оды
про Емелю на печи,
насмеши хмельную одурь,
да и сам похочочи.
Ой, ты, родина-Россия!
Я твой Сенька и святой.
Сам собой такой красивый,
и застенчивый такой.
Шапка дадена по Сеньке
и по святости венец,
и на трёх струнах натенькал
скоморох про мой конец.
Что за невидаль такая?
Впору жить и умирать.
Только мне не надо рая
без России... твою мать!

2.

Город слякотью наполнен.
Святой Боже, помоги
человечий долг исполнить
и раздать свои долги.
Я совсем не для забавы
проживаю здесь свой век.
Ни для счастья, ни для славы
в мир приходит человек.
Много в жизни разных сказок,
обретений и потерь.
Невечерний воздух вязок
и коварен, словно зверь.

Чем живёшь не для забавы
перед смыслом Бытия?
Дал мне Бог испить отравы
там, где истина своя.
Разве можно с полупьяну
умирать и воскресать?
Но любить не перестану
всю Россию... нашу мать!

«Оставляя свои раздумья...»

Оставляя свои раздумья
в тонкой графике зимних роц,
неприкаянный,
неразумный,
я бреду по России в ночь.
Я бреду по московским граням
истончённого бытия,
не истерзан и не изранен,
но убит сединой вранья.
Видно так для России лучше —
ни к чему в облаках кружить,
а продать человечьи души
за кружочки словесной лжи.
Что ж ты, Родина, раскололась
под валютный заветный звон?
Я валяюсь простым осколком
православных святых икон.
Я валяюсь зеркальной гранью
под когтями у воронья,
не истерзан и не поранен,
а убит чистотой вранья.

«Тень моя в тьме замороженных улиц...»

Тень моя в тьме замороженных улиц,
Русь моя, падает снег на ладонь.
Как же с тобою в зиме разминулись,
город мой древний, стреноженный конь?
Думал я вскачь над обрывом промчатся,
словно Высоцкий, собрат по перу.
Только мне выпало тенью скитаться
с воем собачьим на снежном ветру,
только мне заживо камень надгробный
был уготован, судьбе вопреки!
Звук прокатился по улице дробный,
лошади скачут наперегонки.
Всё же Москва пронеслась над обрывом —
я в этом хаосе не разберусь.
Чудится песня с цыганским надрывом,
значит, жива ещё матушка Русь!

На погосте

Слышишь, мама, я пришёл!
Я нашёл тебя, мамуля!
Жизнь мелькнула, словно пуля,
с продырявленной душой.
И ни завтра, ни вчера,
только взлёт и только вечность.
Неужели бесконечность
это времени игра?
Не пора ли мне на взлёт —
я весь мир перелопатил,
истончался, скажем кстати,
но достиг не тех высот.
Состоявшийся пижон,
нашумевший мастер слова,
но тебе промолвлю снова:
– Слышишь, мама, я пришёл!

«Спасена от пробужденья...»

Спасена от пробужденья
наша сонная страна.
И опять девичьи тени
тихо дремлют у окна.
И опять поёт кукушка,
с бодуна попав не в такт.
Дремлют девушки-старушки,
а ребята за пятак,
за алтын заложат души
и гуляют до утра.
Русь! Ведь ты не стала лучше
из-за громкого «ура!»,
где мы новый мир построим,
а потом, опохмелясь,
под застойное застолье
упадём по-новой в грязь!
Кружит лошадь, как собака
вкруг за собственным хвостом.
патриарх из буерака
всем грозит своим крестом.
Свищет ветер над могилой,
на дубу затенькал дрозд!
Но опять с недюжей силой
кто-то строит крепкий мост
меж обыденным грядущим
и вчерашним бытиём.
Русский люд не стал непьющим,
значит, выпьем и споём.
Может, мы за гранью синей
Бога вспомним не дыша...
Гой ты, матушка-Россия,
православная душа!

«Закипел над Москвой фиолетовый день...»

Закипел над Москвой фиолетовый день,
разбудил полноцветие улиц,
колыхнулась моя придорожная тень
и вороны под небо взметнулись.
Мы проснулись с тобой в фиолетовом дне.
Что ж ты, милая, смотришь печально?
На Руси не отыщешь спасенья в вине,
и судьба не бывает случайна.
Тайны нет без Творца и творения нет
без Божественной искорки Свыше.
только вижу в глазах твоих пламя комет,
пролетающих в полночь над крышей.
Только вновь осторожная поступь берёз
прокатилась Измайловским парком.
Мы любили друг друга в захлѐб и всерьѐз,
а теперь мы не свечи – огарки.
Обожѐнные вскользь фиолетовым днѐм
под весѐлые звуки свирели,
мы с тобой мотыльками неслись над огнѐм,
но пока от любви не сгорели.
Но пока ещё слышен метронома звук
и стремление к небу и звѐздам.
Наш полѐт превращается в замкнутый круг,
и я снова дарю тебе розы.

Зазеркальное Беловодье

Зазеркальное Беловодье —
это счастье моё и песня.
Я туда щепой в половодье
приплыву,
и в стране чудесной
будет день и не будет тени,
будет смех, будет только радость.
Среди сотен других мгновений
я найду
то, что мне осталось.
Из мгновений, обрывков ночи
и полётов грехопадений,
волен ты выбирать, что хочешь —
лишь одно из пустых мгновений!
В том, земном, сумасшедшем доме
всё клубится, где боль, где радость.
В недописанном мною томе
приключений —
слезинка яда.
А душа всё спешит сорваться
и поймать золотистый лучик.
В Зазеркалье мне сны приснятся
с ностальгией...
Здесь было лучше!
Так зачем мне спешить в дремоту,
в зазеркальное Беловодье?
Может я не познал чего-то,
не изведал сермяжной плотью
с каплей сладости каплю яда,
отперев все замки и двери?
Мне зачем-то отведать надо
каплю истины и потери...

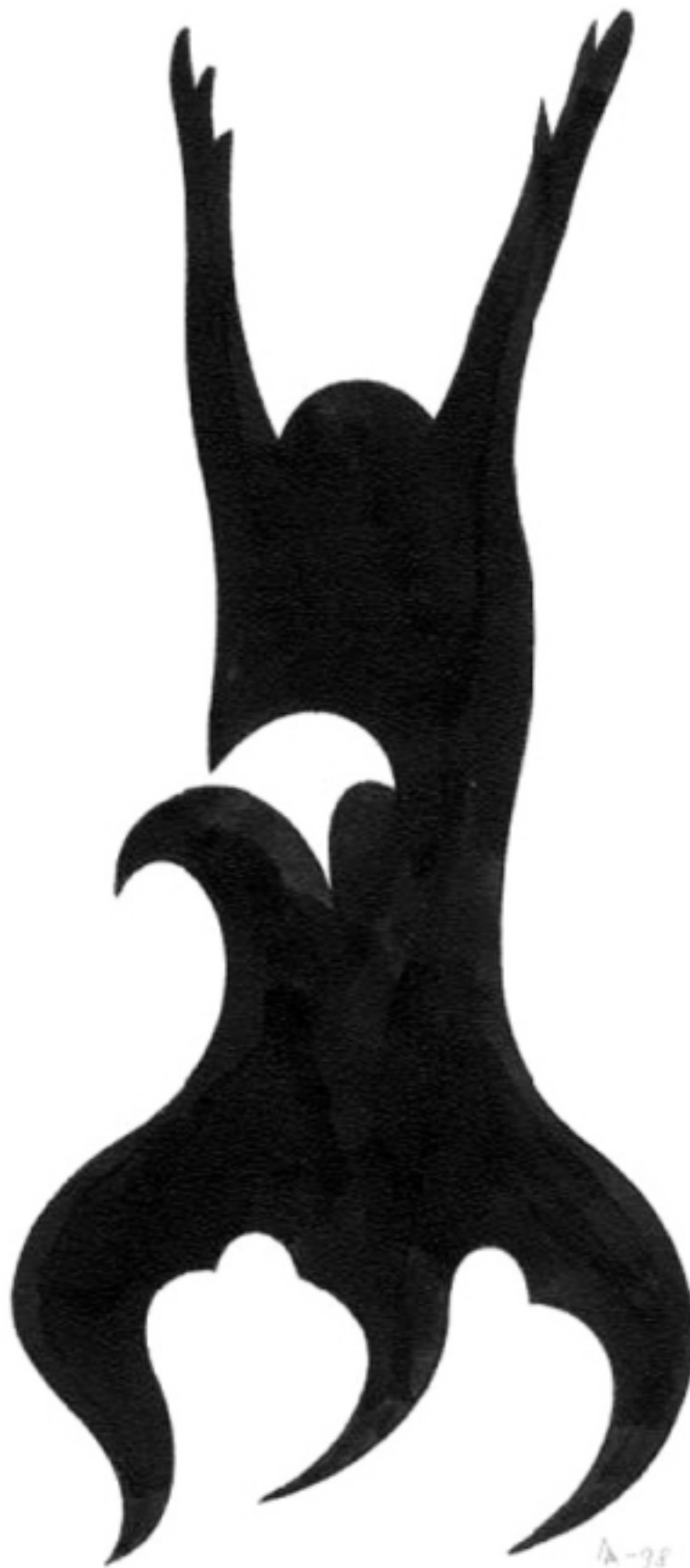
«Сумасшедшее сплетенье...»

Сумасшедшее сплетенье
спелых листьев октября.
Ты побудь со мной мгновенье,
ничего не говоря
и не споря со смешеньем
снега с выцветшим дождём.
Мы – заоблачные тени
звёзд, и мы рассвета ждём.
Может, выпадет промчатся
над землёй, вздымая хвост,
а не в космосе скитаться
среди таких же тёмных звёзд.
Под падение – желанье
загадай, покуда жив.
Нам одно лишь оправданье —
октября шальной мотив.
Дуракам опять приснится
наш хрустальный Млечный мост,
и сиятельные листья
оживут в сиянье звёзд.

«Перестук колёс, перестук...»

Моей бабушке – Екатерине Холиной

Перестук колёс, перестук,
или звон в ушах, или звон?
Мир давно пронзил тяжкий звук,
тяжкий звук пронзил, или стон?
Но беда моя – не беда,
если рядом ты в снег и в дождь.
И в голодный год лебеда
уж не вызовет страх и дрожь.
Уж не вызовет смачный дым
недокуренных сигарет.
Я же был всегда молодым,
и умру, поверь, в цвете лет.
Мир опять пронзил тяжкий звук,
и стрела летит вслед за мной.
Перестук колёс, перестук.
Или вой по мне, волчий вой...

«Обрывки грязных словоблудий...»

Обрывки грязных словоблудий,
как птицы реют надо мной.
И ноты солнечных прелюдий
пронзает тяжкий волчий вой.
Ищу покой, но вместе с потом
исходит злоба из меня.
Я стал советским идиотом,
и всё прошу:
– Огня! Огня!
На грани небыли и были
я распластался в небесах
в клубах слепой Вселенской пыли
но вижу свет на полюсах
не мной погубленной планеты,
не мной распятого Христа.
Я знаю, есть спасенье где-то,
лишь душист душу немота.
Мне Бытие терзает разум
никчёмным смыслом суеты.
Успеть бы лишь сказать ту фразу,
что ожидаешь только ты
на мелком нашем островочке
среди словесных грязных струй.
И не хочу я пулей – точку...
Хочу как точку – поцелуй!

«Надоело нежить ворошить...»

Надоело нежить ворошить
и кофейной гущей разгонять.
Ворожить на то, как стоит жить,
и чего купить, а что продать.
Знать бы мне, зачем весь этот хлам
в рамках человеческого «Я»?
Но мелькает тень по зеркалам,
усекая сущность Бытия.
Зеркало маньячит маяком.
Призраки грядущего зовут
написать поэму ни о ком,
про никем не занятый уют.
Лгут, конечно, что же им не лгать?!
Рушится соцветие страниц.
Зеркало смеётся, словно тать,
голосами праведных блудниц.
Словно чайка, вслед за кораблём
я лечу, предчувствуя азарт.
Выпаду крестовым королём,
иль иконой из колоды карт.

«Лекарственной болью октябрь полыхает...»

Лекарственной болью октябрь полыхает,
октябрьской болью заполнился ум.
И как ни крути, видно так уж бывает,
что запах лекарства исходит из дум.
Из дум головы. Не из дум Горсовета,
ведь всем думакам на октябрь наплевать.
И боль не проходит. Но, может, с рассветом
я снова смогу над странюю летать.
Надсадную боль разметав, словно листья,
я крылья расправлю и снова взлечу,
увидю, как звёзды в пространстве зависли,
и в небе меня не достать палачу.
Но где-то там город, мой ласковый город,
давно захиревший от дум думаков.
Он, в общем-то, стар, но по-прежнему молод.
Мы вместе с Москвой не выносим оков.
Оков словоблудья и думского гнёта,
пора бы столице встряхнуться и жить!
Москва никогда не забудет полёта.
Летать – значит всех, и прощать и любить.

«ЖИЗНЬ МОЯ – ВСЁ ТОПЬ ДА КОЧКИ...»

Жизнь моя – всё топь да кочки,
да без ветра флюгера.
Я хочу расставить точки
между завтра и вчера.
Как планета постарела
от вчерашних войн и смут!
Только прошлое умело
в чистом будущем сотрут.
Мутно станет в чистом доме,
где ни грязи, ни болот.
Мысли чахнут на изломе,
но уже не тех высот.
Вот и всё.
Не мысли завтра,
а живи сейчас и здесь,
променяв любовь на золото
или солнечную взвесь!
Есть, конечно, что-то в этом
скудном смысле Бытия.
Тихо крутится планета,
ну, и вместе с нею – я.

«Звёзды считая на пепельном небе...»

Звёзды считая на пепельном небе,
вспомнить не мог о былом,
где разгоняет недужную небыль
нежность пернатым крылом.
Там я считал бесконечные звёзды,
даже не мысля о том
кто этот мир из забвения создал,
чтобы за звёздным мостом
мог разглядеть, распознать и отметить
истину в слове живых.
Жить без любви может только на свете
шизик, подлец или псих.

«Монархия света, монархия тьмы...»

Монархия света, монархия тьмы.
О, как это с детства знакомо!
И небо закатное цвета сурьмы
опять висит над домом.
Мудрейшие книги лежат на столе —
сокровища ересиархов.
Но хищные тени бегут по земле,
печальные слуги монархов.
Ни свету, ни ночи умы не нужны.
Представьте:
сиянье без тени!
иль облако пьяной разнузданной тьмы,
и в небьль крутые ступени!
Рождён человек, чтоб на лезвии жить,
идти между тенью и светом.
А что же поэт?
Он не может ступить
ни шагу, не помня об этом.
Позвольте, зачем и скажите, к чему
природе нужны эти страсти?
Ты просто иди ни на свет, ни во тьму,
а к Богу за чистым причастьем.
Но я, как поэт, поводырь и певец,
помочь не смогу, не посмею.
Коль ты не поднимешь терновый венец,
я просто тебя пожалею.

Откровения Ересиарха

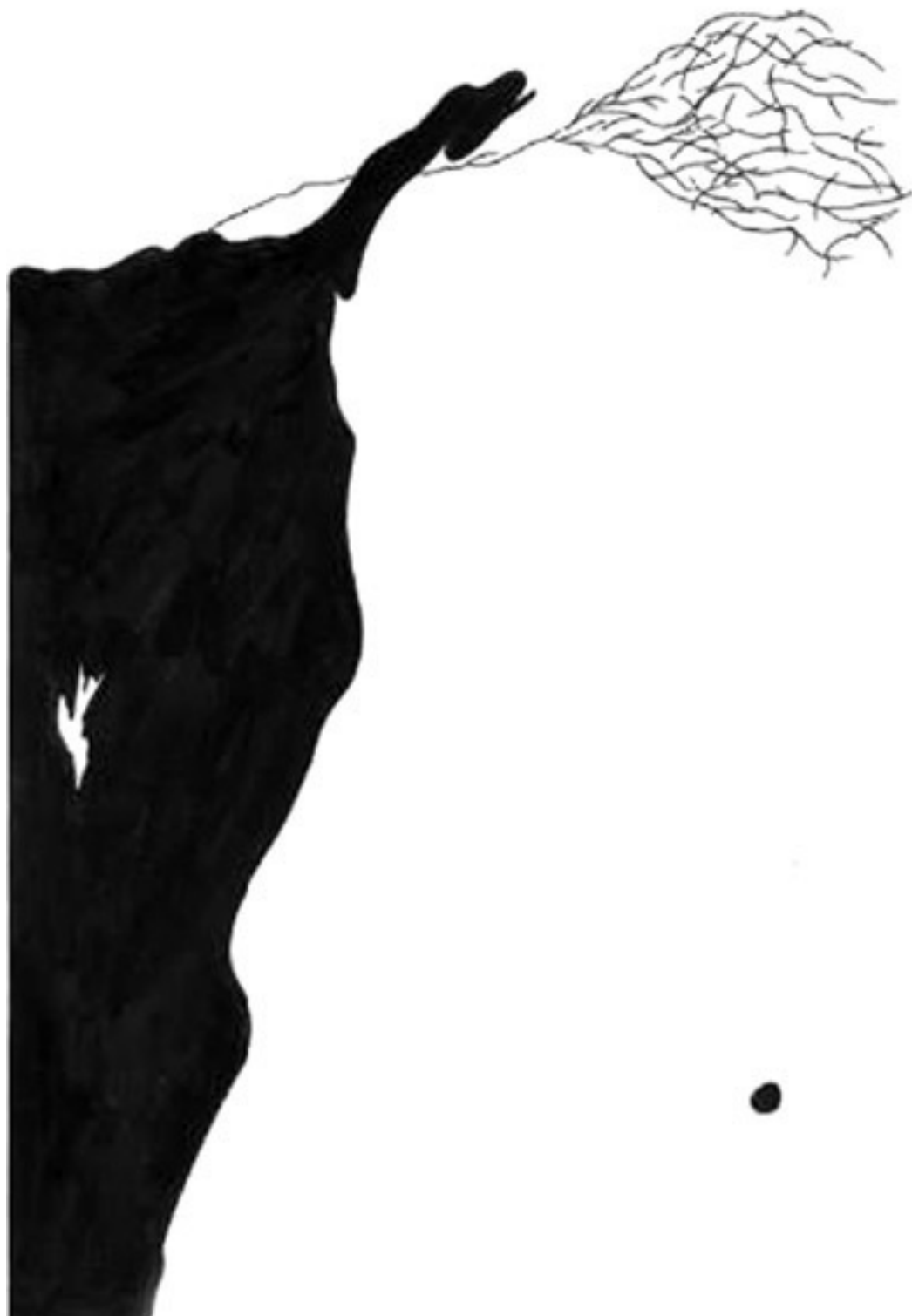
Ну, что ж, опять расставленные точки,
и солнца луч в сознание точно смерч!
Я видел Зазеркалие воочью,
но это не была простая смерть.
Пустого и простого в этом мире
никак не отыскать. Ты мне поверь.
А точка – продолжение в пунктире
утрат, страданий, вздохов и потерь.
Невероятно!
В параллельном царстве
совсем не так, как представляют здесь.
Там нет судов, и есть не те мытарства,
и воздух, словно пламенная взвесь.
И нет мучений душ на сковородках,
а есть свирепый вихорь изнутри.
Я там изведаль несколько коротких
уколов совести...
И сколько не ори,
и сколько не кричи, там нет спасенья,
и места под счастливым бытиём.
А есть воспоминание мгновенья
про запах тела, что смердит гнильём.
Быть может я – гнилой и непохожий
на всю ту боль, которую другим
принёс при жизни – не простой прохожий,
а грешный и нахальный пилигрим.
Быть может, я сказать во искупленье
про царство Зазеркалья должен вам?!
На это мне отпущены мгновенья.
А сколько? Сколько...
я не знаю сам.

«Расставляются точки над „и“...»

Расставляются точки над «и»,
устаканился пьяненький дым,
и в былом незаметный надир
стал похож на символику дыр.
Стал похож на запретную дверь
в Зазеркалье и антимире.
Что смеяться?
Возьми и проверь,
заглянув в подпространство дыры.
И тогда ты поймёшь, человек,
почему – «уходя – уходи» —
нам твердят миллионы калек,
не сумевшие в космос уйти.
Это надо не высказать вслух,
а прочувствовать плотью души.
Тополиный срывается пух
и маньячат из дыр миражи.
Это было и есть, а пока
я июньской пленён красотой.
Улыбается космос слегка
над извечной моей суетой.

Я ничей!

Я ничей!
Нет беспечней боли!
Но ничьей в облаках кружа
и ничьей не подвластна воле
чует волю моя душа.
И становится ей известна
тайна самой тугой струны.
Но из рук уплывает песня,
словно пена морской волны.

«Руки её – две старинные чары...»

Руки её – две старинные чары.
Пей, и почувствуешь запах дождя.
Пей, и ударит волною угара.
Пей, и забудешь навеки себя.
И проходя мимо зим и созвездий
в самых загубленных людом веках,
будешь болеть, ожидая известий,
знаменья, знака на чьих-то руках.
Что же ты медлишь?
Боишься забыться?
Воля твоя и беда – не беда.
Слабым из них никогда не напиться,
вольным без них не бывать никогда.

Руки её – две старинные чары...

«Уходя, я прощаюсь с тобой...»

Уходя, я прощаюсь с тобой,
будто чёрточку жизни теряю.
Снова полдень бездумно слепой,
снова взгляд на ветру выгорает.
Уходя, я прощаюсь навек,
будто нет или больше не будет.
Кто я? Просто смешной человек,
искривлённый безвременьем буден.
Уходя, я прощаюсь любя.
Пусть судачат досужие люди.
Коль не будет на свете тебя,
то меня, я уверен, не будет.

«Время разбрасывать камни...»

Время разбрасывать камни,
время их собирать.
Кто-то способен веками,
словно костёр, догорать.
Кто-то весёлою спичкой
вспыхнул. И сразу погас.
Жизнь – это тоже привычка
и неудавшийся фарс.
Но без царя и без Бога
в сердце – не встретишь Любовь.
Толку не очень-то много
от полновесности слов.
Если живёшь настоящим —
будущему не лги.
Всё полновесно, скользяще,
словно мерцанье пурги.

«Листья рыжие кружат, кружат...»

Листья рыжие кружат, кружат
посреди продувных аллей.
Этим листьям уже не нужен
вздых покинутых тополей,
или взгляд одиноких клёнов,
или слёзы тревожных ив.
Это танец в октябрь влюблённых.
Это вальса простой мотив.
Жив ли будешь, или кружиться
станешь ты в продувной стране,
или буквами на страницу
угадаешь в тетрадку мне?
Этот танец тобою выбран,
ключ скрипичный кленовых нот.
Я листок из тетрадки выдрал
и побрёл как по речке, вброд.

Пророчество Ересиарха

Грязным снегом запорошена
продаваемая Русь.
В долларовых лужах брошена,
утонула наша грусть.
Грусть о той, о несгибаемой
кости в горле у врага.
Сослагаемой, склоняемой
стала Русь – и вся пурга!
Лишь чумное словотворчество
по дорогам, точно встарь,
и в Писании пророчество:
храм построен!
На алтарь
много небыли положено,
но столичная пурга
так бела и так ухожена —
вот и вся вам недолга.
Вот и всё вам словотворчество
и мычанье на луну.
Что ж, гуляй, моё пророчество,
пока жив, на всю страну!

«Я ребёнок военной России...»

Я ребёнок военной России,
утонувшей в нескладных боях.
Снегом белым меня заносило,
как в окопе, в обыденных днях.
Снегом белым меня заносило,
и тревожила смерть у виска,
и чумная судейская сила
против шерсти трепала слегка.
Наблюдал я как нелюди-люди
нашу родину распродают,
как голодным подносят на блюде
просвинцованный снежный уют.
Мне хотелось завывать и вцепиться
в сало толстых улыбчивых рож,
и поганую кровью напиться
продавцов, или взять их на нож.
Что же, нечисть опять ополчилась?
Но, как встарь, на житейском пути,
Русь моя, если ты помолилась,
проходимцев крестом освяти.

«Покровский отблеск октября...»

*...И кто-то камень положил
Ему в протянутую руку.*

М.Ю. Лермонтов

Покровский отблеск октября,
разлив кленового заката,
и мысль о том, что прожил зря
всю эту жизнь, уже чревата.
Уже чревата бытиём
под звук унылой депрессухи.
И солнца луч пронзил копьем
в лесу клубящиеся слухи
о том, что будет и чему
уже совсем не приключиться.
И весь октябрь опять в дыму,
как искалеченная птица.
Я долго думал и гадал,
кружил в лесу, подобно звуку,
и вдруг последний лист упал
в мою протянутую руку.

«Мы не стали скромнее и проще...»

Мы не стали скромнее и проще
под давлением смут и преград,
лишь по смуглой берёзовой роще
ветер вздыбил чумной листопад.
Лишь нахмурилось небо в зените
и ослабился скрипки смычок.
Полно, люди!
Прошу вас, взгляните
с перекрестья путей и дорог
на раздольное наше безволие,
на всеобщую злобу в аду!..
Где ж тот кот, что гулял в Лукоморье
по злещёной цепи на дубу?
Было много цепей и кандалов
на Руси, да не те всё, не те.
Но под воню господ и вандалов
вновь Россия ползёт в пустоте.
Нам уже не хватает ни прыти,
ни ума для тактических драк.
Вы простите, прошу вас, простите,
но маньячит немеркнувший мрак,
но свистит порожняк лихолетья
в перепутинской патоке лжи.
Сколько ж нужно России столетий,
чтоб воскресли и жили Кижи?
Чтобы Русь моя вновь возродилась
и оставил её Черномор,
я надеюсь, что Божия милость
снова вычертит в небе узор.
А в столице, в некрополе истин,
будто истина – мать-перемать!
И последний берёзовый листик
по бульварам пустился гулять.

«Остервенение сознания...»

Остервенение сознания
под стать кленовому листу.
И не изведать красоту
полёта или полыханья
меж звёзд в надзвёздном бытие,
где ничего, есть только слухи
под стать космической разрухе
в межзвёздном гибельном вранье.
Тягучих снов тягучий дым,
Что б ни случилось, но безвольно
горит звезда на мёртвом поле,
где космос вспыхнет молодым,
но неземным холодным светом.
Всё это будет ни к чему.
Мне это ясно потому,
что космос тоже был поэтом.
И он, как я, умел гореть
до взрыва, до испепеленья,
но те далёкие мгновенья
не оживить, покуда смерть
гуляет во вселенском доме,
где быль и небыль на изломе,
где сердце начало стареть.

«Как хочется стать неприметной дождевой...»

Как хочется стать неприметной дождевой,
упавшей из глаз всеобъемлющей тучи,
и падать в свободном полёте в долину,
и знать, что полёт – это самое лучшее.
Во мне отразившийся солнечный лучик
увидит бескрайнюю радость полёта,
и я подарю ему самое лучшее —
одиннадцать всплесков паденья и взлёта.
А он мне ответит лучистой улыбкой,
ведь солнечный лучик – душа твоя нежная.
И ей под вниманием тучи безликой
летать непрестало по миру безбрежному.
Искать, есть ли где-то то самое лучшее
в могучей скале или просто в былинке.
А я, одинокий, сорвался из тучи,
мечтая прослыть вековечной дождевой.

«Русь моя – нить неразрывная...»

Русь моя – нить неразрывная!
Родина – синь златоглавая!
Осенью небо красивое,
дремлет Москва православная!
Много и были и небыли
в русских скрижалях записано.
И, пролетая по небу я,
взглядом выискивал пристальным
город мой – точку безвременья,
тень мою в водах Москва-реки...
Тати без роду и племени
крутят Москву мою за руки.
Вскинулся я: а не снится ли
песенка смерти у темени?
Но под Покровом Царицыным
дремлет столица до времени.
Дремлет московская звонница.
Нечисть в тиши куролесится.
Свары Россия сторонится —
это ступенька по Лествице.

«Пролетаю безумной кометой...»

Пролетаю безумной кометой
от разумных решений вдали.
Что же так поубавилось света
в голубом подпространстве Земли?
Проезжая зелёной аллеей
расшалившимся мартовским днём,
я подумать уже не посмею
о кнуте, управляя конём.
Может мир изменился и рана
в перекрестье дорог запеклась?
Я живу.
Существую.
Но странно —
кровь из раны дождём пролилась.
И тебе, неизвестный прохожий,
неба цвет невысок и немил.
Депрессуха проходит...
И всё же
мир воскреснет в сиянье светил.
Мир воскреснет подобно раскатам
самой первой весенней грозы.
В это верю я.
Это и свято.
И не станет чумной полосы.

«И опять непосильное счастье...»

И опять непосильное счастье,
и опять несусветная боль.
Кто над нашей энергией властен,
превращающей личности в ноль?
Соль земли посыпается с неба,
продлевая планетную жизнь.
И девица в Сочельник и небыль
нагадает про быль дешевизн.
Новизна високосного года,
темнота обновлённых сердец.
В телящике слуги народа
обещают счастливый конец.
На Москву накатило ненастье,
вместо снега – небесная соль.
И опять непосильное счастье,
и опять несусветная боль.

«Я рисую в подветренный полдень...»

Я рисую в подветренный полдень
голубую бездонную высь.
Ничего из плохого не вспомнить,
значит нечего.
И пронеслись
где-то кони опять над обрывом,
прозвучала минорная боль.
Слишком тяжело, но очень красиво
превращаться в убийственный ноль
для стремлений, надежд и мечтаний
одураченных жизнью людей.
Подчеркнёт невозможность скитаний
по России простой выюговой,
где я снова – подветренный нищий —
начертил угольком на снегу
Тетраскеле,
и время отыщет
тех, кто пел налету, набегу.
Не могу оставаться в сторонке
от прекрасных страниц бытия.
Над Москвою набатный и звонкий
голос мой:
эта Русь – это я!
Не был я супротив ни вандалов,
ни хапуг. Так чего же орать?
И столица совсем истончала,
слышу только про мать-перемать!..
Этот выбор на мне, на поганом,
под московский гремучий утиль.
Снова шторм?!
Нет, не надо, куда нам!
Лучше мёртвый безветренный штиль.

«Не моя немая женщина!..»

Не моя немая женщина!
Вот такие наши семечки!
И не мне она обещана,
словно пуля, прямо в темечко.
Не меня она сторонится,
Не со мною делит сладкое.
Вот и мучает бессонница,
и пишу стихи украдкою.
Про меня неподгитарного
на заборах всё написано.
Хлещет небьлью угарною
так, что высишься над высями.
Не моя немая женщина
про любовь не мне обмолвится.
И опять по небу трещина,
и опять в ночи бессонница.

«Сон мне: сонная быль...»

Сон мне: сонная быль
наплывает и душит.
Придорожная пыль
испоганила душу.
Лучше б в небыли плыть
по чумным отголоскам,
чем нещадно хулить
вслед заката полоску.
Плоский мир в плоскостях
невечернего грома,
и ломота в костях...
Как же это знакомо!
Неискомые мы
ищем: где же получше!
Невесомая пыль
испоганила душу.
Дали жизнь мне, веля
быть распятым за веру.
Кружит в танце Земля,
потеряв атмосферу.
Застилает ковыль
путь в осеннюю пущу.
Полусонная быль
снова манит и душит.

Выпал снег

На бульварах заносы.
И от серости город ожил.
Кучи серых сермяжных вопросов
по Москве вьюговей закружил.
Не ожил только солнечный ангел,
замурованный в патоке лжи.
Но блестят разноцветные флаги!
Но маньячат в Кремле миражи!
Не видать нам ни солнца, ни света,
если флаги украсили мир.
И плывёт по Вселенной планета
в балахоне озоновых дыр.
Лира музы трезвонит про вьюгу,
я же мыслю о серости дней.
Конь каурый несётся по кругу
вслед за вспышками серых теней.

«Снова шагаю по льду босиком...»

Римму Ивановичу Медведеву

Снова шагаю по льду босиком,
маску срывая с лица.
Снова пою ни о чём, ни о ком
песню свою без конца.
Вижу: маньячат души миражи
в тихий предутренний час.
Ближних любить ты пока не спеши,
лучше бы с дальних начать.
И, согревая в ладонях цветок,
знаю, меня не поймут
те, кто старается влиться в поток
денежных склоков и смут.
Те, кто взорвал многоцветия мост
в царство нездешней мечты,
и среди ярких заоблачных звёзд
видит лишь клоч темноты.
Полно мне петь ни о чём, ни о ком,
и словоблудьем плевать.
Люди всегда ненавидят тайком
тех, кто умеет летать.

Баллада о первом встречном

Первый Встречный, не мучай прохожих,
и тревожные думы не трожь.
Жизнь – она ни на что не похожа,
даже на многоцветную ложь.
Кто ж стремится от блага прелюдий
в увертюру печальных потерь?
Никогда не узнали бы люди
без тебя inferнальную дверь.
Верь не верь, а спасения нету
от рогов Золотого Тельца.
Первый Встречный, подай мне монету,
я ж молюсь за тебя шельмеца.
Я молюсь, чтоб Всевышний оставил
грех гордыни твоей взаперти,
и с тобой не менялся местами.
Ты несёшь
    то, что можешь снести.
Пусть простит меня Встречный Прохожий,
но никто же не молит о нём!
Ну а я, как всегда, непохожий,
обнимаю небес окоём.

«В тени бессмертья запутался страх...»

В тени бессмертья запутался страх
и пронизал естество лихолетья.
Носится по ветру прошлого прах —
мы из него воскресаем, как дети.
Мы возникаем из белых одежд
испепелённого зимнего дыма,
жаждем любви и тревог, и надежд,
веры в Христа —
    это необходимо!
Зримо проходит короткая жизнь,
явственно видим пути в Зазеркалье,
сладость и пошлость пустых дешевизн
и недоступных миров многоскалье.
Но задаёмся вопросом: к чему?
Ведь у природы проколов не сыщешь!
Рок на тебя одевает суму,
значит иди по Руси, словно нищий.
Рыщет по ветру из прошлого прах,
страхом бессмертья грозятся дороги.
Жаль, много мусора в наших умах,
а человечности, в общем, не много.

«Белый свет расплескался в тумане...»

Сергею Есенину

Белый свет расплескался в тумане —
неприметен, как слёзы из глаз.
Нас, увы, он уже не обманет,
просто эта игра не для нас.
В час молений, страданий, разлуки
были мы от любви далеки,
и сплетались безвременья звуки
под ворчливым журчаньем реки.
Далеки наши небыли-были,
далеки наши всплески надежд.
Не любя, мы уже отлюбили,
лишь осталась гламурность одежд.
И осталось стремленье гармоний
всё загнать в многолетний обман.
Нам Есенин сыграл на гармонии
про рязанский любовный туман,
и про тонкие кудри осины,
что дрожат на московских ветрах.
Жаль, что мы у него не спросили:
как там жизнь в Зазеркальных мирах?
Может быть, там поэтов не любят,
и любовь – как туманный мираж?
Может страсть в Зазеркалье погубит
и Пьеро потеряет плюмаж?
Только свет, только белые пятна
по туманному шёлку плывут.
Эй, поэт! Возвращайся обратно!
Может, здесь нас когда-то поймут.

«Неужели жизнь проходит...»

Неужели жизнь проходит,
неужели гаснет свет
в этом смачном переходе
боли, сумраков и бед?
Неужели спозаранку
разлилась по небесам
кровь убитых и подранков?...
А кого – не знаю сам.
Но навряд ли эту смуту
враг затеял с лиганца.
Выстрел – каждую минуту,
и расправа до конца.
Не судите люди строго
русских злых писарчуков.
Мы же ходим все под Богом,
лишь без рамок, без оков.
Ни к чему влезать на танки,
но поэт – всегда поэт!
И наутро спозаранку
льётся кровь на Божий свет.

«Не пропетый песнями...»

Не пропетый песнями,
не рассказан сказками,
городами-весями
вдрызг уже потаскан я.
Тени подзаборные
мне грозят из небыли.
Мысли беспризорные:
жил ли? или не жил я?
В темноте, как облики,
городские улицы.
Лунный луч из облака
тянет к горлу щупальца.
Ах, не пой соловушка
мне про небыль русскую.
Слёзы – словно кровушка,
да тропинка узкая.
Да осталась музыка,
та, неподгитарная.
Труден путь наш узенький,
но поётся ария,
но романсы слышатся.
Ветер плачет весело,
пролетев над крышами
городами-весями.

Баллада о русском языке

Смутный голос во мне возник,
как прямая черта пунктира:
– Где кончается твой язык,
возникает граница мира!
Но я русич! Ужель во мне
языковый барьер и пена?
За Россию сгореть в огне,
в землю вбитым быть по колению?
Я же русич! Ужель во мне
только злоба, стремление к битве,
словно страннику на коне
не нужна о любви молитва?
Снова голос, как будто рык,
раздающийся из надира:
– Где кончается твой язык,
возникает граница мира!
Значит, всё же наоборот!
Глас сомненья с меня снимает:
ведь любовь только там живёт,
где тебя всегда понимают!

«Морозные дни достославного лета...»

Морозные дни достославного лета,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.